

М. В. Миронович

ГЛАГОЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ФУТУРАЛЬНОСТИ
В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ
(на материале немецкого языка)

Несобственно-прямая речь (НПР) представляет собой сложное и многогранное явление, характерное для языка современной художественной литературы, в котором сливаются воедино авторская речь и внутренняя речь действующего лица. Средствами контаминации авторской речи и речи действующего лица считаются «сдвиг лица» (прономинальная транспозиция), «сдвиг времен» (темпоральная транспозиция), а также особое построение синтаксических конструкций, включающее модально-прагматический аспект. С одной стороны, в НПР в целом сохраняются синтаксический строй, эмоционально-экспрессивные и лексические особенности речи действующего лица. С другой стороны, личные формы глаголов и местоимений употреблены с позиции автора.

Выбор глагольных форм в данном виде речи зависит от того, какая группа времен избирается автором для ведения повествования. Основной временной формой в НПР является претерит. Значительно реже для оформления повествования в НПР используется презенс индикатива. Когда встает

вопрос о статусе темпоральных значений временных форм в НПР, нередко отмечается, что они имеют относительное значение, поскольку автор изображает внутренний мир действующего лица через призму временного плана повествователя.

Нами были проанализированы глагольные средства для выражения футуральности в НПР на претеритальной основе. Данный вид НПР оказался самым употребительным в романах Э. Канетти, Э. Хауер, Ф. Верфеля, Х. Циннер, А. Зегерс, Г. Манна, Г. Бёлля и др. Общее количество форм в анализируемом корпусе составило 250 единиц.

Обращает на себя внимание большое количество средств, создающих футуральную перспективу в НПР. Самыми частотными формами с футуральной семантикой в наших примерах оказались кондиционалис I (39 %) и претерит индикатива (15 %). Высокой частотностью характеризуются и модальные глаголы в сочетании с инфинитивом. К ним относятся глаголы *sollen* (9,9 %) и *wollen* (7 %) в форме претерита. Далее следуют такие формы, как футурум I индикатива (6,8%), претерит конъюнктива (5 %). Употребление таких модальных глаголов, как *müssen* и *können* в форме претерита конъюнктива, *dürfen* и *mögen* в форме претерита индикатива, а также форм инфинитива, форм футурума I конъюнктива, кондиционалиса II, плюсквамперфекта индикатива, футурального перфекта, футурума II индикатива и форм презенса индикатива для выражения футуральности в НПР носило единичный характер.

Наибольший интерес представляет значение кондиционалиса I, выражающего будущее в прошедшем, типичное только для НПР. Однако до настоящего времени нет единого мнения относительно его употребления и значений. А именно, выражает ли кондиционалис I в НПР то же самое, что и в косвенной речи, т.е. косвенность высказывания и относительную будущность действий, или существуют различия в функциях кондиционалиса I в косвенной речи и в НПР.

Мы приходим к выводу о том, что конструкция «*würde* + Infinitiv» в НПР имеет индикативный характер, хотя нельзя отрицать модальный оттенок высказывания. Но здесь модальность зависит от контекста, который представляет собой передачу чужих мыслей. Намерение автора – дистанцировать, ограничить речь действующего лица и авторскую речь. Но точка зрения автора является доминирующей, и подчинение точки зрения действующего лица точке зрения автора имеет своим следствием формальное «выравнивание» временных форм, появляется кондиционалис I, который выражает реальное будущее в прошедшем и вместе с тем сомнение и неуверенность в реализации действия в будущем.

Н.п. *Kilikian aber wusste in diesem Sträflins-Moment, was er zu verlieren hatte.... Der Tod, der ihn höhnerischerweise so oft verschont hatte, konnte sich dann an ihm gütlich tun. Die Türken würden ihm mindestens das Fell vom Leibe schneiden und jedes Glied gesondert ermorden. Dies alles war dem Russen im blitzhaften Bruchteil einer Sekunde bewusst und weder sein Stolz, sein Hass noch sein Trotz kamen wider dieses Bewusstsein auf. Er versuchte noch einmal glucksend zu lachen* (F. Werfel. Die vierzig Tage des Musa Dagh, 355).

Während sie (Kamilla) den Geruch nach Ruhm und Molke in sich einsaugte, freute sie sich auf das Brot, das sie jetzt streichen und auf dem großen Balken vor der Scheune essen wollte. Abends würden alle Milchsuppe löffeln, dick und sauer und voll von Kümmelkörnchen. Die konnte man in die Mitte des Tellers treiben, dort bildeten sie kleine, schwarze Inseln (E. Hauer. Ein halbes Jahr, ein ganzes Leben, 283).

Действие, выражаемое кондиционалисом I в данных примерах, соотносится с действием в авторской речи в форме претерита индикатива, временной план которой является исходной временной точкой. Значение кондиционалиса I формируется также его отношением к окружающим глагольным действиям, выраженным формами претерита и плюсквамперфекта индикатива. Следовательно, относительность кондиционалиса I как временной формы создается самой перспективой повествования благодаря чередованию разных временных отношений.

Будучи специализированным средством выражения будущего в прошедшем в НПП, кондиционалис I почти не допускает замены системными и контекстуальными синонимами. Однако наш анализ примеров показывает, что для обозначения будущего в прошедшем в современной немецкой литературе редко, но все же используются и другие формы, как уже было сказано выше. Это – претерит индикатив, модальные глаголы, формы футурума I индикатива и конъюнктива, кондиционалис II, плюсквамперфект индикатив, футуральный презенс, футуральный перфект, футурум II индикатив. Все эти формы могут иметь значение предстоящего относительно речи автора или предыдущей речевой ситуации.

В заключение целесообразно отметить, что широкая формальная система грамматических временных планов немецкого языка формирует большие функциональные возможности в выражении темпоральных отношений того или иного временного плана художественного текста. В структуре художественного текста функционирующие глагольные формы обуславливают сложные, не всегда равнорядные взаимоотношения, а также одновременно с этим специфические текстовые грамматические трансформации, возникающие вследствие таких отношений.

Специфика грамматической трансформации многих временных форм в НПП немецкой языковой системы заключается, прежде всего, в том, что она определяет формирование грамматико-контекстуальных комплексов с детерминантами иного внешнетемпорального значения, образуя специфическую оппозицию, например, кондиционалис I – претерит индикатив, нивелируемую на уровне общего смысла художественного текста при переходе формы кондиционалиса в аспект прошедшего.

В художественном тексте реализуются несколько иные временные переходы. Так, автор, размещая события мира художественной действительности, может сопоставлять события различной текстовой хронологии между собой, изменяя временной отчет, который считается границей между настоящим и будущим. Вместе с тем читатель адекватно понимает время в художественном тексте, прежде всего, в силу реализации временной текстовой транспозиции.

В художественном тексте происходит не собственно перенос во времени, а скорее формируется концентрация внимания на определенной ситуации контекста, которая является более актуальной в восприятии читателя.

Таким образом, временные формы НПР находятся в синтаксической зависимости от временного плана авторской речи, и вне связи с предыдущим авторским контекстом кондиционалис I в НПР может восприниматься с иным значением, т.е. терять свое значение будущего в прошедшем и выражать косвенность высказывания и относительную будущность.